

«Все равно половина из них не вернется»

Как Россия распоряжалась жизнями призывников в Чечне, а Советский Союз — в Афганистане

Призывники собираются на сборном пункте призывного пункта перед отправкой на военную службу в Новосибирской области, 19 октября 2023 года. Фото: Александр Кряжев / Спутник / Imago Images / SNA / Scanpix / LETA

10:07, 4 сентября 2024,

Константин Пахалюк

историк, кандидат политических наук, специально для «Новой газеты Европа»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Украинское наступление в Курской области вернуло в публичное поле проблему участия российских солдат-срочников в войне против Украины. Многочисленные заверения руководства России, что призывников не отправят на фронт, разошлись с реальностью: срочников **оставили прикрывать пассивный участок фронта, формально не считающийся частью зоны «СВО». В результате призывники оказались под огнем.**

В готовности государства видеть молодых ребят-срочников полноценными солдатами на своей войне ничего нового нет. Такой подход исторически укоренен в российской военной практике. А сделанные в 2000-е годы уступки общественному мнению, включая (официальное) не-участие срочников в КТО в Чечне, сокращение срока службы и попытку плавного перехода на контрактную армию, сегодня отменяются.

Историк Константин Пахалюк рассказывает, как государство в прошлом использовало срочников на войнах в Афганистане и в Чечне, как мотивировало их отдавать жизнь за геополитические идеи и почему «отдать долг Родине» — идея, подразумевающая, что и родина вам что-то должна в ответ.

История идеи: право отправлять на войну

Государства перешли к всеобщему воинскому призыву в XIX веке. Всеобщий призыв увеличивает мобилизационный потенциал и снижает затраты государства на содержание войск. Благодаря ему появилась массовая армия — в принципе, та самая, какой мы ее знаем. Но с нею возникли две проблемы.

Первая — чисто военная. В случае начала войны под ружье ставились фактически гражданские лица, серьезно уступающие кадровым частям в подготовке.

Вторая — уже социальная. Призывникам и резервистам требуется не формальный, а мотивирующий ответ на вопрос: «Почему государство распоряжается нашими жизнями?» Апелляция к воинскому долгу не работает, поскольку у резервистов нет установки кадрового солдата, что «приказ не обсуждается».

На первый план выходит мотив защиты Отечества. Однако, как мы видим на примере обеих мировых войн, его недостаточно провозгласить. Отсутствие системной политической работы с личным составом в царской армии негативно сказалось на ее боеспособности в Первую мировую войну. В годы Второй мировой ситуация изменилась, правда, тогда мотивацию укрепляли нацистские зверства и вера в идеалы коммунизма.

В генеральско-офицерской оптике, столь распространенной в российской военно-исторической литературе, обе проблемы носят технически-утилитарный характер: попытку решить задачу «как повысить готовность солдат жертвовать собою?». Известный военный теоретик конца XIX века генерал Михаил Драгомиров как раз и получил известность, поскольку **искал** практический ответ на этот вопрос.

Но эти проблемы имеют политическое измерение. Боевой опыт становится для фронтовика основой для встречных требований — равных прав, привилегий или особого социального статуса. Вчерашний крестьянин, одетый в серую шинель и ставший ветераном, в 1917 году превратился в участника политических процессов. Напротив, в Германии и Италии те военные, которые не получили по итогам войны повышения статуса, включались в правые, в том числе и фашистские, движения.

Советские солдаты перед отправлением домой из Афганистана, 15 октября 1986 года. Александр Градский / РИА Новости / [Wikimedia](#) (CC-BY-SA 3.0)

Во второй половине XX века ситуация, по крайней мере на европейском континенте, изменилась. Советский Союз не стал исключением. Рост уровня благосостояния при снижении количества детей в семьях породил постгероическое общество, особо чувствительное к любым военным потерям (термин немецкого ученого Герфрида Мюнклера).

Шок Второй мировой нанес удар по культуре милитаризма, в основе которой лежит убежденность, что война — допустимый метод продвижения национальных интересов, а участие в ней — дело, достойное любого гражданина. Опыт призывной службы в мирное время все больше рассматривался как подготовка к потенциальной большой и обязательно оборонительной войне, напоминая обряд инициации. Отсюда и расхождение: родители отправляли отпрыска в армию, чтобы он «учился Родину защищать» и прошел «школу мужества», в то время как для государства и генералов он был все тем же

солдатом, которого можно использовать по своему усмотрению.

Советский солдат несет свой чемодан, чтобы сесть на поезд недалеко от города Термез в Узбекистане, недалеко от афгано-советской границы, март 1989 года. Фото: Сергей Карпухин / Reuters / Scanpix / LETA

Афганистан: ударная сила — срочники

Афганская война велась преимущественно силами призывной армии. Контрактной службы тогда не существовало, а многочисленные штатные позиции для солдат и сержантов напрямую, как и в стародавние времена, предполагали наличие срочников. Изначально в Афганистан планировали ввести 75 тыс. человек, для чего за несколько недель до ввода войск в Центральной Азии призвали более 50 тыс. солдат и офицеров. На местах объявление о мобилизации восприняли как обычную проверку, военкомы не обращали внимание на то, кого они отправляют в части, а потому в ряде случаев приходилось срочно заменять не способных нести службу.

Когда оказалось, что ввод войск не будет легкой прогулкой,

резервистов стали заменять молодыми солдатами и сержантами-срочниками, для которых была установлена норма пребывания — полтора года в боевой зоне из общих двух лет. Правда, зачастую эта норма не соблюдалась, и солдаты проводили на фронте лишние несколько месяцев, а порою и полгода (например, см. воспоминания писателя и ветерана Александра Елизарэ «Афган неизведан»). К середине 1980 года общее количество одновременно размещенных войск увеличилось до 81,8 тыс., а в 1985 году достигло максимума в 109,5 тыс. человек. Всего через Афганистан **прошло** более 620 тыс. человек, из которых 545 тыс. непосредственно участвовали в боях. По итогам 14,4 тыс. человек погибли или умерли от ран, а 10,7 тыс. стали инвалидами. Еще 53 тыс. человек получили раны или контузию.

Чтобы установить средний возраст участников или погибших, требуются дополнительные архивные исследования: за более чем 30 лет с момента окончания так и не вышло ни одной фундаментальной и обобщающей книги про Афганскую войну, которая бы превосходила пересказ ряда штабных документов. Судя по методу комплектования, мы можем утверждать, что воевала и погибала молодая армия, что, в частности, подтверждает одно из оригинальных **исследований**, опирающихся на данные по Самарской (Куйбышевской) области:

«Эта война — самая «молодая». Средний возраст воина-афганца, согласно базе данных, 20 лет для рядовых и 27 лет для офицеров».

До весны 1984 года срочники проходили лишь 2-месячную подготовку в учебных частях Туркестанского военного округа, затем срок увеличили на один месяц, с весны 1985-го — до пяти.

Теперь также предполагалось совершение не менее 5 учебных восхождений в горы с полной выкладкой (около 35 кг). После прибытия непосредственно в Афганистан еще пять дней отводилось на изучение тактики действий в кишлаках, горах и «зеленой зоне», преодолению минных ловушек и пр. После чего новобранца отправляли в часть, и 12 дней отводилось на боевое слаживание.

Российские солдаты покидают базу в Моздоке на границе с Чечней, направляясь на свои боевые позиции, 25 января 1995 года. Фото: Владимир Машатин / ЕРА

«Мы вас туда не посылали»

Очевидно, что эта война не была оборонительной, потому обществу и солдатам рассказывали про исполнение «интернационального долга». Поддерживаемое памятью о Второй мировой представление, что молодой человек должен пройти службу, обеспечивало успех мобилизации, однако

государство злоупотребило доверием граждан. Ветераны свидетельствовали, что не увидели у афганцев ровно никакого желания строить социализм. По итогам участникам оставалось либо признать войну полностью бессмысленной, либо рационализировать участие в ней как голое «исполнение долга», либо цепляться за представления о «цивилизаторской миссии» или противостоянии США (в качестве примера см. [сборник интервью](#) с ветеранами-афганцами).

В тылу также долгое время масштабы боев попросту скрывали, рассказывая об успехах в строительстве социализма. Потому вернувшиеся с фронта сталкивались с непониманием: они прошли через кровавые бои, были героями, а их встречали как тех, кто помогал местным картошку сажать. Затем это трансформировалось в обидную фразу, [звучавшую](#) из уст различных чиновников и военкомов:

«А мы-то вас туда не посылали, поэтому мы вам ничего не должны».

Опыт службы в Афганистане был травматичным для призывников, прежде всего, ввиду устройства позднесоветской армии и расхождения воображаемых идеалов и реальности. Далеко не всегда новобранцы знали, куда их распределят для службы. Так, мотострелок Виктор Лысак, попавший в армию со второго курса института, впоследствии вспоминал, что узнал о распределении в Афганистан только при выдаче обмундирования:

«Какая-то бабуля на складе из угла швыряет кирзовые сапоги, а мы их ловим.

Молоденький лейтенант возмущается:

— Женщина, почему вы так небрежно бросаете сапоги: поубиваете будущих бойцов.

— Все равно половина из них не вернется из Афгана!»

(Из книги Виктора Лысака «Дорога Кабул-Джелалабад».)

Для жанра солдатских писем в целом характерно желание скрыть от родственников тяжести военных дней. Однако одной из особенностей Афганской войны являлось стремление не рассказывать родным об отправке на фронт. В этом смысле типичны воспоминания срочника-пограничника Игоря Безбородых, который сам еще в учебке написал рапорт о направлении его на границу с Афганистаном, так как ему было интересно посмотреть, что там происходит:

«Мои родные узнали только [улыбается] через год, как я там [в Афганистане] отслужил, где я служил, узнали совершенно случайно, мама полезла искать по карте, где же этот Термез находится, и нашла»

(из [статьи-интервью](#) Дианы Челпановой в журнале «Новое прошлое»).

Для воспоминаний афганцев характерно критическое отношение к пройденной подготовке, хотя физические упражнения, казавшиеся издевательством «дедов», все же способствовали повышению выносливости. Муштра, как и выстраивание иерархических отношений, принимала уродливые формы, но служила еще и механизмом интеграции: максимально быстро человек должен лишиться индивидуальности и встроиться в коллектив. Со стороны это выглядело как классическая дедовщина, хотя впоследствии находились срочники, которые рационализировали ее (показательным примером являются воспоминания ныне известного пропагандиста Артема Шейнина «[Непридуманный Афган](#)»).

По прибытии у новичков-«духов» (не путать с «душманами», как называли афганцев) отнимались свежие предметы обмундирования, а первые полгода службы они проводили в прямом подчинении у «дедов» (в качестве примера см. книгу Глеба Боброва «[Порванные души](#)»). Как вспоминал Виктор

Лысак:

«Я давно понял правила игры: главное, не переходить на личные оскорбления, и если заставляют выполнять какую-то работу, не переть против системы — выполнять работу. Но если старослужащим слишком скучно, начинают издеваться — пытаются сделать рабом <...> Поэтому в этот момент надо жестко дать отпор. В результате может случиться все что угодно: могут избить, покалечить и даже убить. Сломался, и потом будет очень сложно вернуться к нормальной жизни».

Особая сеть доверия, называемая «боевым братством», как раз и выстраивалась поверх и в противовес подобной системе. Потому рассказы о ней и занимают центральное место в воспоминаниях ветеранов-афганцев.

Отсутствие психологической подготовки оборачивалось и срывами: случаями расстрелов командиров или местного населения, — однако отсутствие специализированных исследований не дает возможность проанализировать масштабы явления. Военный следователь полковник Шахов впоследствии вспоминал историю, как пять солдат пошли грабить мирных жителей и расстреляли их, поскольку один из них побежал, и они решили, что тот мятежник. Остальных ликвидировали как свидетелей. Молодые ребята искренне не понимали, почему их собираются судить:

«Я сам долго пытался понять — как это совершенно нормальные восемнадцатилетние деревенские парни стали убийцами. Думаю, что свою роль сыграла неправая война. То, что нас туда местное правительство пригласило, — это все сказки. Формально — да, нас кто-то позвал. Но я знал многих офицеров, которые входили с первыми частями. Они при пересечении границы говорили: «Поехали нашего друга Амина спасать». А по дороге сообщают: оказывается, Амин-то бяка, его уже шлепнули»

(речь о том, что ввод войск произошел по просьбе лидера страны Хафизуллы Амина, который был убит и заменен более лояльным Бабраком Кармалем. — Прим. авт. См. сборник воспоминаний «Из смерти в жизнь... От Кабула до Цхинвала»).

Акция чеченцев из дагестанских сел, расположенных недалеко от границы с Чечней, с требованием вывести российские федеральные войска из Чечни и Дагестана, 13 января 1996 года. Фото: Олег Никишин / ЕРА

Первая чеченская: добровольно-принудительно

В Первую чеченскую войну (1994–1996) российская армия наступила на те же грабли. В отличие от Афганской, она велась на территории России. Правительство Ельцина представляло ее как крайнюю и необходимую меру подавить сепаратистский регион и не допустить дальнейшего распада страны. Несмотря на то, что операция казалась реализацией права государства на защиту территориальной целостности, она оказалась непопулярной в обществе. Еще летом 1994 года опросы ВЦИОМ показывали, что половина граждан выступает за невмешательство, а четверть — за поиск примирения. В конце января 1995 года количество противников войны составляло 71 % (см. в книге Евгения Норина «Чеченская война. Том 1»).

Министр по делам национальности Николай Егоров уверял, что большая часть населения будет встречать федералов как

освободителей, а дорогу посыпать мукой. Но первая попытка организовать штурм Грозного силами чеченской оппозиции в конце ноября 1994 года была отбита, после чего началась операция федеральных войск. Когда колонны техники шли в декабре 1994 года на Грозный, в соседних Дагестане и Ингушетии люди буквально ложились под них, препятствуя продвижению.

Имея формально армию в 2,9 млн человек, для участия в войне удалось в общей сложности собрать 70 тыс. Только по официальным данным 5,5 тыс. солдат погибли. Опыт Афганской войны не был никак учтен. Еще в 1993 году **начали** набирать контрактников, используя их для миротворческой миссии на территории бывшей Югославии или афгано-таджикской границе, однако в целом армия продолжала опираться на систему срочной службы.

Армия снова испытывала недостаток в квалифицированных офицерах, нередко командиру танковой роты приходилось одновременно исполнять функции командира танка, а в нем — наводчика.

В декабре 1993 года после двух лет службы многие «старослужащие» срочники были уже уволены, а потому осенью 1994 года, при подготовке операции, на их местах оказались солдаты, которые едва ли полгода провели в войсках. Среди младших командиров — лейтенантов — были так называемые «двухгодичники»: получившие офицерское звание студенты гражданских вузов (выпускники военных кафедр).

Всего на штурм Грозного были направлены около 14,5 тыс. солдат и офицеров в трех колоннах. Им противостояло

примерно равное количество сепаратистов. В 2017 году пожелавший остаться анонимным участник штурма Грозного так описывал свой путь: сначала его призвали служить в ПВО, затем он оказался в мотострелках, а потом — в ВДВ:

«Добровольно-принудительно, можно так сказать. Вообще я хотел почувствовать, что это такое, попробовать. Друзья меня отговаривали, но так получилось, что был поставлен вопрос, и отказаться вроде было можно, и, с другой стороны, отказаться было нельзя».

Примечательно, что на протяжении всего интервью ветеран мотивировал участие как помощь и спасение своих товарищей в бою, а также выполнение долга (из [статьи-интервью](#) Евгении Горюшиной, журнал «Новое прошлое», 2019, № 1).

Об уровне подготовки срочников впоследствии вспоминал подполковник Евгений Сергеев:

«Начинаю знакомиться с экипажами. Спрашиваю механика:

— Сколько БТР водил?

Отвечает:

— Три километра в учебке».

(Из [сборника](#) Сергея Козлова «Спецназ ГРУ — 2», 2002.)

Срочники составляли и основу отряда из 22-й бригады спецназа ГРУ, которому поставили задачу 31 декабря разведать потенциальные пути отхода сепаратистов из Грозного. Отряд выбросили около села Комсомольское, однако его быстро обнаружили чеченцы. Из-за старых карт сориентироваться на местности не удалось, а из-за снега уйти незамеченными не вышло.

Изначально командование отказывалось эвакуировать десантников, затем они даже захватили одного пленного, что формально можно было выдать за успех. Но из-за погодных условий вертолеты за ними не вылетели, а ввиду недостатка

сил около полусотни спецназовцев сдались в плен, что дудаевцы использовать в пропагандистских операциях. Это было самое крупное поражение десантников в российской истории.

«Ничего с этого я не получил от Родины»

Главным отличием от Афганистана стало то, что Первая чеченская пришлась на период либерализации публичной сферы. Поэтому вопрос об использовании армии и отправлении в бой солдат-срочников встал особо остро.

На первый план вышел созданный в перестройку Комитет солдатских матерей, представители которого во время первого штурма Грозного **сумели** получить списки военнопленных, а затем и освободить несколько сотен человек. Их деятельность, как и призыв к прекращению боевых действий, был воспринят руководством армии как «национальное предательство». В действительности же общественная организация была вынуждена взять на себя те функции защиты военнослужащих, на которые были не способны профессиональные военные. Комитет добился того, чтобы сотни солдат, отказавшихся от участия в войне, не попали под уголовное преследование. Впервые общественность подставила под вопрос укорененную в веках привычку государства и его генералов своевольно распоряжаться жизнями военнослужащих — как призывников, так и кадровых.

Поскольку официально Первая чеченская война называлась «мероприятиями по восстановлению конституционного строя», то это создало колоссальные проблемы даже в получении формального признания статуса ветеранов боевых действий. Только в 2002 году с обновлением закона «О ветеранах» этот пробел **удалось** во многом ликвидировать, хотя далеко не все категории реальных участников **подпадали** под его действие.

Используя людей, государство не спешило нести за это ответственность. Как вспоминал процитированный выше анонимный участник Чеченской войны:

«Как бы вот прошло уже 20 лет, да, а наградили железкой на грудь. Вот, ходи и радуйся. Вроде как герой. А толку от этой железки? Она ничего не дает. Спрашивается, да, где справедливость?! Я защищал Родину или интересы Родины, и ничего с этого я не получил от Родины. Даже, что самое интересное, уже года, наверное, пол, как я подал снять налог автомобильный, так как мне положен льготами, с меня его не сняли. А тогда, когда просто кто-то завоевал золотую медаль на Олимпиаде, ему дарят квартиры, машины, какие-то привилегии. И вот где теперь справедливость?»

Колонна российских военных в Южной Осетии, Грузия, 9 августа 2008 года. Фото: Юрий Кочетков / ЕРА

Долг подчиняться своеволию

Срочники воевали и во Вторую чеченскую, однако высокие потери в первые полгода боев опять вызывали возмущение в обществе. Казалось бы, предыдущий негативный опыт использования призывников и давление со стороны отдельных общественных организаций, как Комитет солдатских матерей, сделали свое дело, заставив косную военно-бюрократическую

машину пересмотреть подход. Обновленный закон «О воинской обязанности и военной службе» 2003 года, принятый в ходе общего реформирования вооруженных сил, положил начало все большему использованию контрактных войск. Лед сдвинулся. В конце 2004 года министр обороны Сергей Иванов **обещал**, что через год в Чечне останутся только контрактники.

Правда, как оказалось, это касалось только подразделений Минобороны, в то время как срочники, проходившие службу во внутренних войсках МВД, **оставались** там до 2007 года. В августовской войне против Грузии участвовали в основном контрактники, однако, как **выяснили** журналисты, десятки призывников также попали туда. В 2010-е годы российские военные учились действовать гибко. В 2014 году на юго-востоке Украины воевали «добровольцы» и неформально кадровые части, а также частные военные корпорации. Начиная операцию в Сирии, Генштаб заблаговременно **успокоил** общественное мнение: срочников туда направлять не будут.

В текущую войну Путин также обещал ограничиться на фронте только профессионалами, но слово не сдержал. Частичная мобилизация, начатая в конце сентября 2022 года, как раз и стала тем событием, которое с наглядностью показало, что государство все еще готово своевольно распоряжаться жизнями граждан. Да, в отличие от Афганской или Первой чеченской войн массового использования срочников нет: вероятно, Путин не хочет в открытую повторять ошибки 90-х. Но ситуацию это мало меняет: просто вместо одних категорий гражданских лиц в бои были брошены другие.

Равным образом и срочников используют вблизи боевых операций, что и привело к тому, что в августе 2024-го они оказались на острие украинского наступления в Курской области. Как отмечает военный обозреватель Илья Волжский:

«Насколько я понимаю, срочниками в Курской области были укомплектованы так называемые подразделения прикрытия границы, которыми усилили пограничников. Эти части были переброшены из различных регионов России в Белгородскую, Курскую и Брянскую области».

Ситуация с выплатами ветеранам улучшилась по сравнению с девяностыми, однако, мягко говоря, **не соответствовала** ожиданиям тех, кого государство когда-то использовало. Несмотря на военный азарт, всерьез брать ответственность за солдат государство не хотело.

В условиях крепнущего авторитаризма сама тема о праве и пределах государства распоряжаться жизнями граждан ушла в тень, а на ее месте расцвела культура медийного урапатриотизма, с «культом Победы» и «можем повторить». Одной из ее примечательных черт стало усиленное тиражирование образов преемственности воинской славы, призывающее в равной степени отдавать дань памяти любым воинам, воевавшим по «зову Отечества», без различия типов войн, эпох и войск. Почему средневековые дружинники **ставятся** в один ряд с солдатами Второй мировой.

Все более героическими становились монументы и новые музеи, посвященные Афганской и чеченским войнам. Ведь по существу мысль «мы исполнили свой долг» — это призыв ветеранов к государству исполнить ответный долг перед ними (например, гарантировать, что их дети не будут посланы в такой же бессмысленный конфликт). То, что **являлось** способом преодоления травматического опыта, превращено в патриотическую мантру. Исторически не существовало

никакого «долга перед государством» без апелляции к ценностям более широкого порядка (защита страны, веры или монарха — в зависимости от эпохи; даже исполнение сословных обязанностей опиралось на нечто большее).

Такая оптика исключительного и безответного долга появилась далеко не сегодня. Но она породила нечувствительность к главному: в истории России были совершенно разные войны (и оборонительные, и завоевательные), а в разные эпохи господствовали свои представления о том, кого правитель может отправлять на смерть. В итоге государство уравнило солдатский долг с беспрекословным выполнением приказа.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Геноцид, которого не было](#)

Зачем российская власть изобрела понятие «геноцида советского народа», и почему это — новое оружие исторической пропаганды

14:21, 1 февраля 2024, Константин

[«Навечно депортированные»](#)

Депортации народов, произведенные 80 лет назад, — этнические чистки по-сталински. Рассказываем, как менялось отношение к памяти о них сперва со стороны советской, а потом и российской властей

12:23, 3 марта 2024, Константин